

(Глава от лица Хорикиты)

Три часа дня – настал мой черед сделать перерыв на культурном фестивале.

Когда всеобщее волнение поднялось от разыгранного туза Аянокоджи-куна, я перепоручила класс ему и ушла.

— Хотя... не думала, что он в самом деле сделает из Чабашiry-сенсей горничную.

Мы с Аянокоджи-куном вместе готовились к культурному фестивалю и обсуждали важные моменты. Он сказал, что на последний час привлечет к работе Чабашiry-сенсей, но я отнеслась к этому со скепсисом.

Так мало того, что он воплотил задумку в жизнь, так еще и эффект вышел колоссальным. Я шла по коридору и отовсюду слышала, как обсуждали Чабашiry-сенсей в роли горничной.

Так или иначе, а для меня ее участие – прекрасная и удобная возможность. Народ начнет сходиться в спецкорпусе, а значит в других местах будет менеелюдно.

Отправив сообщение кому надо, я дождалась, пока оно отметится меткой «Прочитано», и направилась в кабинет ученического совета.

Все дело в том, что я хотела еще раз посмотреть в журнал протоколов.

Я могла бы спокойно попросить Ягами-куна открыть его, когда ученический совет вновь соберется, но тогда у меня не было бы возможности не спеша его осмотреть.

Он тот, кто лишь слегка засветился в деле об исключении Аянокоджи-куна. Возможная связь с Амасавой-сан и высокие физические показатели делают его весьма опасным человеком.

Кроме того, если попрошу еще раз показать журнал протоколов, Ягами-кун наверняка догадается, что я начала его подозревать... Нет, он уже подозревает, если исходить из предположений, что виновник все-таки он.

Но лучше лишний раз убедиться, а для этого нужно подгадать время, когда никого не будет рядом, в том числе его самого.

Деятельность ученического совета пока приостановлена из-за обстоятельств президента Нагумо. Что накладывает определенные ограничения на просмотр протокола, но вместе с тем устраняет людей, которые могли бы помешать это сделать.

Я сочла день проведения фестиваля идеальной возможностью.

Этим утром я подошла к Чабашире-сенсей и сказала, что «вероятно, забыла тетрадь в кабинете ученического совета». Мне разрешили во время перерыва взять ключ из учительской и сходить забрать ее.

Даже если кто-нибудь увидит, как я захожу в кабинет совета, у меня на то была веская причина.

Переодевшись в обычную форму, я быстро сбегала в учительскую.

Когда была уже у кабинета ученического совета, я взглянула на часы в коридоре и выдохнула.

— У меня еще пятьдесят минут.

Сегодня, так или иначе, был тяжелый день. И хотя до конца еще далеко, моя основная работа выполнена. Поскольку обязательный перерыв длится час, то его окончание как раз придется на закрытие фестиваля. Я с самого утра была на ногах и в костюме горничной, день в самом деле выдался утомительным.

Теперь, уже в школьной форме, я стою перед дверью в кабинет ученического совета и тихо вставляю ключ.

У каждого сегодня дела на культурном фестивале, поэтому внутри никого нет. А значит мне не составит труда залезть в журнал протоколов и сделать фотографии на телефон.

Или так я думала...

Как вдруг ощутила в кармане вибрацию от входящего звонка. Стоило посмотреть на имя, как сердце пропустило удар.

Ягами Такуя. Почему он звонит мне в такое время?..

Несмотря на пугающее совпадение, я ответила на звонок:

— Да?

— Привет, Хорикита-семпай.

Казалось, я должна слышать голос Ягами-куна только через динамик телефона, но он прозвучал еще и неподалеку от меня.

Человек, с которым я меньше всего хотела сейчас пересекаться, теперь смотрел на меня с улыбкой и машет рукой. По телу пробежал озноб, словно меня окатили холодной водой.

— Удивил? — спросил он, затем завершил звонок и шаг за шагом подошел ко мне.

— Ягами-кун, почему ты здесь?

— Почему... спрашиваешь? А тебе разве не любопытно, зачем я позвонил, хотя и был неподалеку?

Я так сосредоточилась на других вещах, что совсем забыла на это указать. Сам Ягами-кун, казалось, прощупывал мои волнение и панику.

— Кстати, семпай, а что ты вообще делаешь в таком малолюдном месте? Разве сейчас не самый важный заключительный этап культурного фестиваля?

— У меня перерыв, поэтому отошла от дел. А сюда пришла, потому что хотела немного побыть наедине.

— Перерыв в три часа дня. Необычный выбор времени.

Необычный, почему?

Культурный фестиваль такого формата ранее не проводился, так что критерия для оценки выбора быть не может. Тем более часовой перерыв обязателен для всех учеников, и какая-то часть определенно решит использовать возможность в три часа дня.

Разум не смог сразу прийти к ответу, отчего я замолчала на несколько секунд.

И тогда поняла.

Под «необычным выбором» Ягами-кун ничего не подразумевал.

Вопрос был не более, чем попыткой понять, выбрала ли я три часа дня для перерыва с одной целью отдыха или для чего-то еще.

Я же была так сбита с толку, что не смогла ответить сразу.

Теперь неважно, как буду оправдываться дальше, скорее всего, я уже попала в ловушку.

Или пока еще нет.

Так как я не ответила сразу, есть еще один вариант. Просто пропустить странную фразу «необычный выбор» мимо ушей.

— Ну а ты что здесь делаешь, Ягами-кун?

— Да так, увидел понурую тебя, Хорикита-семпай, и мне стало любопытно. Вот и пошел следом.

— С каких пор? Знаешь, причина меня не особо заботит, но преследовать девушку – поступок не совсем похвальный.

— Я вообще-то попытался окликнуть тебя, но, видимо, было шумно, поэтому не услышала.

По пути сюда я действительно погрузилась в мысли. Даже так, я бы все равно обратила внимание, если бы меня кто-то позвал. Я не могла отделаться от мысли, будто он снова пытается запудрить мозги тем же способом, но, быть может, эта цепочка событий – в самом деле простое стечение обстоятельств.

Вообще-то он мог звать меня до тех пор, пока я не отреагировала бы.

А может он даже не следовал за мной, а просто был где-то поблизости?..

Все мои подозрения основаны лишь из предположения, что именно Ягами-кун тот человек, который написал мне записку красивым почерком. И если они беспочвенны, что же, придется склонить голову и извиниться позже.

— А проблем не будет за то, что отлыниваешь от культурного фестиваля?

— Я с тобой в одной лодке. Все что нужно было сделать, я сделал. У меня не перерыв, конечно, просто образовалось свободное время. В правилах же не указано, что нельзя отдыхать больше часа.

Всего лишь совпадение? Нет, лучше так не думать.

Даже если позже выяснится, что это все-таки оно, проблем не возникнет. С другой стороны, могу прямо сейчас оказаться в трудном положении, если никакое это не совпадение.

— Кстати, тебе что-то надо в кабинете ученического совета? Он должен быть заперт, вряд ли там кто-нибудь есть, — произнес на опережение Ягами-кун, переведя взгляд на дверь.

— Я ищу кое-что. И недоразумений не возникнет, поскольку взяла ключ из учительской.

— Ищешь? Тогда давай помогу.

Собранность и волнение в моем сердце столкнулись друг с другом. Я не могла сказать, его предложение исходит из благих намерений или из злого умысла.

— Это не такая уж важная вещь, чтобы утруждать тебя.

— Ты сорвалась на ее поиски в разгар культурного фестиваля. Она важна, по крайней мере, для тебя, — сказал он так уверенно, словно обнажил мои мысли, словно видел меня насквозь.

— Тетрадь. Я недавно купила ее, и теперь нигде не могу найти. Мне становится очень неудобно, когда думаю, что ее кто-нибудь может прочитать. Одно время даже оставила надежду найти, но все никак не могла выбросить ее из головы. Немного подумав, я поняла, что не искала только в кабинете ученического совета.

Нет смысла тянуть время.

Я сказала Ягами-куну ту же ложь, которой поделилась с учителями.

— Ну вот, тогда помогу. Мне предстоит много работы после завершения культурного фестиваля. Тем более если за поиски возьмутся два человека, то получается вдвое эффективнее, чем если бы ты занималась этим одна, верно?

— Д-да...

Я не спеша отперла замок, затем открыла дверь. Я хотела было зайти в кабинет первее Ягами-куна, стоявшего рядом, но так и осталась на месте.

— Хорикита-семпай, в чем дело?

— Правда ли так нужно искать мою вещь вдвоем в кабинете ученического совета? Я задаюсь вопросом, а нет ли у тебя иного мотива?

— Э?..

В сложившейся ситуации я решилась контратаковать.

— Если честно, я пыталась отказаться от твоей помощи, потому что ты меня немного пугаешь.

— Я... пугаю? Почему?

— А сам как думаешь?

— Не знаю, даже ничего в голову не приходит.

— Пустой кабинет. Ты, по твоим же словам, вроде как окликал меня, но я ничего не слышала. Кроме того, весь путь следовал за мной по пятам, пока мы не остались наедине. Ты понимаешь, как это выглядит со стороны девушки?

Не с позиции Хорикиты Сузуне, а с позиции гендерных различий в социуме. Это должно оттолкнуть его независимо от интеллектуальных способностей.

— В-вот оно как. Прости, я не подумал... Теперь понял...

При этих обстоятельствах он не может беспечно войти в кабинет, и не может остаться ждать в коридоре. Иначе его поступок можно счесть жутким.

— Мне очень жаль. Я признаю, что поступал неправильно. — Ягами-кун поклонился. — Прости, если обидел тебя, но можно сказать кое-что напоследок?

— И что же?

Он все еще был в глубоком поклоне и не поднимал взгляд. Что он собирается сказать?

— На самом деле в кабинете ученического совета ты хотела...

И когда Ягами-кун поднял голову...

Он вдруг сложился пополам.

Нет, не сам по себе.

— Попался!

С таким возгласом на сцену вышла Ибуки-сан в японском наряде.

— П-постой, что... Ибуки-сан?!

— Че встала,пусти, Хорикита-сан! Будет плохо, если нас увидят!

Плохо действительно будет, если кто-нибудь это заметит – все-таки неприкрытое насилие.

Когда я отошла от двери, Ибуки-сан втокнула внутрь Ягами-куна.

— Ч-что ты делаешь?..

Первым о ситуации высказалась жертва, то есть явно сбитый с толку Ягами-кун. Следом свое слово вставила Ибуки-сан, удерживающая его:

— Хорикита, я опять тебя спасла.

— ...Спасла, значит. Но он ничего мне не...

— Ты же сама сказала мне быть с ним настороже, так? И вот я увидела, как парниша начал наезжать на тебя. У него нечистые помыслы, совершенно очевидно, — вывалила она на одном дыхании то, о чем ей не следовало даже упоминать.

Своим примитивным мышлением она перечеркнула весь наш с ним разговор. Говорить о бдительности в отношении определенного человека, когда сам он все слышит, – должен же быть предел глупости.

— Э-э, ты сказала ей быть со мной настороже? Что это значит? — задал закономерный вопрос обездвиженный Ягами-кун.

Теперь, когда все так обернулось, остается только идти до конца.

— ...Мне жаль, что все происходит в такой грубой форме. И все-таки кое-что в тебе беспокоит меня. Помнишь, ты показал мне журнал протоколов?

— Речь тогда вроде шла про слова президента ученического совета Нагумо?

— Да. Я хотела еще раз посмотреть на твой почерк.

— Почерк? Я не совсем понимаю, но получается, ты пришла за журналом протоколов? — спросил озадаченно Ягами-кун. — Допустим, ты хочешь посмотреть на мой почерк. Но зачем?

Меня больше волновало, что он собирался сказать до появления Ибуки-сан. Тем не менее я продолжила объяснять.

Про записку, которую кто-то подсунул мне в палатку во время экзамена на необитаемом острове. Про то, что я пытаюсь выяснить, кто это был.

Ягами-кун, которого до сих пор держали, слушал молча.

— То есть выходит, что почерк в журнале протоколов, который веду я, похож на почерк в записке?

— Да.

— Хорошо, я могу понять твоё настороженное ко мне отношение, если, как ты говоришь, они схожи. И раз ты хотела прояснить этот момент в тайне, то выбрала идеальную возможность.

В период подготовки к культурному фестивалю ученики приходили в школу даже в выходные, часть из них ходила по всему зданию, чтобы выбрать место под программу, поэтому я не стала даже рассматривать этот вариант.

— Но это не я подсунул тебе записку, — категорично заявил Ягами-кун.

И мне хотелось бы ему поверить, но...

Видимо, поняв, что его слова меня не убедили, он заговорил немного громче прежнего:

— Раз ты во мне сомневаешься, значит, есть какие-то основания?

— К сожалению, нет. И всё же я не могу поверить тебе на слово.

— Можешь хотя бы показать ту записку? С ней мы сравним и поймём, действительно ли почерк схож с моим по журналу протоколов, заодно я докажу свою непричастность.

— Тоже нет, к сожалению. Случилась одна неприятность, и я её потеряла.

Если точнее, её разорвала Амасави-сан в стычке на острове.

— Тогда возникает одна проблема. Я никак не могу доказать свою непричастность, так, что ли?

— Вот поэтому я просто хочу ещё раз взглянуть в журнал.

— Но даже если ты посмотришь его, какие гарантии, что правильно соотнесёшь по памяти мой почерк и тот, что был в записке? Загвоздка в том, Хорикита-семпай, что ты и так подозреваешь

меня. А значит, есть шанс, что из-за предвзятости подменишь воспоминания и определишь меня в злоумышленники. Как-то нечестно получается.

— ...Возможно.

Мне не хочется, чтобы это оказался Ягами-кун, но желание найти настоящего виновника намного сильнее. Я вполне понимаю, почему он переживает насчет дальнейшего развития событий.

— Слушайте, прискорбно, что подозрения пали на меня. Может, хотя бы отпустите? Вы ведете себя, ну, не совсем правильно. Как будете объясняться перед президентом Нагумо, если он заявит сюда?

Мы без веской причины удерживаем первогодку в помещении. Нынешняя ситуация и правда разворачивается не в нашу пользу. Одно дело, если бы это была ответная мера, но он толком ничего не сделал.

— Ибуки-сан, отпусти его руку, — обратилась я к ней с просьбой.

Но она продолжала удерживать Ягами-куна с мрачным видом, даже на чуть-чуть не ослабив хватку.

— Прости, но я этого не сделаю.

— Почему?

— Инстинкты говорят мне, что безобидные на первый взгляд парни вроде него очень и очень опасны.

По-видимому, это было следствием урока, усвоенного после столкновения с Аянокоджи-куном в прошлом.

Однако по ее поведению складывалось такое впечатление, будто дело вовсе в его наружности.

— У тебя есть основания для таких мыслей?

— На первый взгляд я могу отправить его в полет с полтычка, но интуиция прямо кричит об угрозе. Признайся, ты не простой ботан, а?

Ибуки-сан находится в непосредственном контакте с ним, поэтому может вбирать информацию, отличную от зрительной.

Человек, которого мы ищем, должен быть весьма умен и искусен. Если применить эти критерии на Ягами-куна, то подозрения насчет него только подкрепляются.

— Твой почерк очень схож с владельцем той записки. Плюс, сознательное утаивание своих физических способностей. И если еще учесть, что ты следовал за мною по пятам...

— Послушайте, да, я занимаюсь спортом, чтобы подтянуть тело, и в некоторой степени уверен в своих физических возможностях, но... — вздохнув от обиды, Ягами-кун слегка приподнял взгляд и посмотрел на меня. — Но мне это уже надоело, если честно. Хотя понять можно, разве нет? Суд же в одну калитку идет.

Не исключено, что у него действительно хорошая физическая подготовка, как предположила Ибуки-сан.

Согласно «ОИС», его физические способности оцениваются как С, а это средний результат. Пусть так, даже если он не силен в спорте, все еще остаются боевые искусства. Вполне допустимая ситуация.

Так он злоумышленник или нет?

И пока я пыталась вынести вердикт, повисшая тишина неожиданным образом прервалась. Открылась дверь в кабинет ученического совета, куда никто не должен был заходить.

— Ой-ой... какая необычная сцена.

Тем, кто зашел, оказался никто иной, как президент Нагумо. Лишь Ягами-кун ничуть не изменился в лице, тогда как я и Ибуки-сан оцепенели, будто нас поймали с поличным.

— Президент Нагумо, почему...

— Не это сейчас важно, что тут у вас вообще происходит?

Естественно, он о том, что Ибуки-сан удерживала Ягами-куна.

— Если два семпая издеваются над кохаем, то это очень большая проблема.

В этой ситуации Ибуки-сан не могла дальше удерживать Ягами-куна, поэтому отпустила руку.

— Я спасен. Спасибо огромное, президент Нагумо.

Ягами-кун, на вид совершенно спокойный, принялся потягиваться. Только почему он оставался

невозмутимым? – каким-то образом заранее узнал про приход президента Нагумо?

— Итак, объясните мне, что вы тут делаете без разрешения?

Если попробую рассказать версию с тетрадью, Ягами-кун наверняка скажет, что это ложь.

Но если упомяну журнал протоколов, придется объясняться перед президентом.

— Хорикита-семпай, кажется, потеряла здесь свою тетрадь, а я вызвался помочь. Ибуки-семпай ошибочно посчитала, что я лез к ней, вот и скрутила меня из чувства долга, — ответил он за всех.

Он не только не выдал меня, но еще и защитил своей ложью.

— О как, поэтому тебе руку заломили, да?

— По-моему, мы только что уладили недоразумение, и я не стану никого и ни в чем обвинять.

— Ну, на нет и суда нет. Тетрадь-то нашли?

Раз он согласен сгладить углы, я тоже буду плыть по течению.

— Нет, все обыскали, но найти не получилось. Это последнее место, где я еще не искала, но... Возможно, ее ошибочно сочли за мусор и выбросили. Тут уже ничего не поделаешь, придется бросить поиски.

Хоть президент Нагумо и спросил о тетради, вряд ли его так уж заботил ответ на свой вопрос. Потеряв всякий интерес, он отвернулся и прошел к своему столу.

— Ну, какая бы причина ни была, а находиться здесь без причин в разгар фестиваля все же не стоит. Давайте, расходитесь.

Даже если попытаюсь найти предлог, чтобы остаться, заглянуть в журнал протоколов уже не выйдет. А значит у меня нет иного выбора, кроме как отступить.

Я уже думала выйти из кабинета вместе с Ибуки-сан...

— Между делом, президент Нагумо, откуда ты знал, что мы здесь?

...как вдруг Ягами-кун, стоящий рядом с нами, решил задать такой вопрос.

— И правда, откуда?

— Кабинет ученического совета должен быть заперт на ключ. И все же ты, даже не подергав ручку двери, просто открыл ее и вошел. Вот мне и интересно, почему так?

И правда, выходит как-то нескладно. Я не знаю, есть ли у президента Нагумо запасной ключ от кабинета, но он должен был хотя бы попытаться воспользоваться им, прежде чем открывать дверь. Он вошел со слишком противоестественной уверенностью. Словно изначально знал, что внутри кто-то будет...

Возможно, президент Нагумо должен был встретиться здесь с Ягами-куном? Тогда понятно, почему Ягами-кун словно заранее узнал про его появление.

Однако... судя по разговору между ними, действовали они не вместе.

— Я в принципе могу ответить на твой вопрос, но сперва мне хотелось бы прояснить у тебя один момент, Ягами.

— У меня?

— Помнишь, что обсуждалось на последнем собрании ученического совета? Ходят слухи, якобы я выложил кучу денег на исключение некоего ученика.

— Конечно, помню. Я даже попытался узнать, откуда исходят эти слухи, но конкретного источника так и не выяснил.

Смена темы была столь внезапной, что я потеряла нить разговора.

— Да ну, правда не выяснил, кто ответственен за слухи?

— ...К чему ты клонишь?

— Я клоню к тому, что это ты их распространяешь.

Президент Нагумо от раздражения слегка пнул по нижней части стола.

— Подожди, что? Ты о чем? Зачем мне, по-твоему, этим заниматься?

Еще недавно Ягами-куна допрашивали мы, теперь же им занялся президент Нагумо. И по совсем другому вопросу.

— Так еще бы я не подозревал тебя. Мы сейчас говорим про тот самый специальный экзамен для первоодков, где в качестве награды выдавалась огромная сумма денег. И ты был одним из немногих, кто принимал в нем участие.

После этих слов выражение лица Ягами-куна слегка омрачилось. И в его взгляде читалось раздражение того же порядка, что и у президента Нагумо.

— Президент Нагумо, но почему? Что происходит?

— Да, я отрицал причастность на собрании ученического совета. И все же это действительно имело место.

— Так ты в самом деле...

— Правил-то я все равно никаких не нарушил. Просто следовал политике школы. Я, как президент ученического совета, осуществлял надзор вместе с временным директором Цукиширо, чтобы убедиться в беспристрастности и добропорядочности конкурса. Да, Ягами?

В этой школе действительно проводятся весьма суровые специальные экзамены. Только подумать, даже такой – в порядке вещей.

— Мне казалось, по правилам никому нельзя рассказывать про экзамен или участников, разве нет?

— Не я первый их нарушил.

— И не я. Мне нет смысла вредить тебе, президент Нагумо. Кроме того, другие первоодки тоже в этом участвовали, так причем здесь я?

— Участвовали, да. Но по непонятной причине именно ты пришел сюда. По мне так очень подозрительно.

— Просто совпадение.

До этого президент Нагумо не отрывал взгляда от Ягами-куна, однако теперь обернулся к нам.

— Можете идти. У меня есть разговор к Ягами.

— Я ничего не знаю про вашу ситуацию. Но можно мне кое-что добавить?

— Хорикита-семпай, ты чего?

Он вперил в меня взгляд. Словно этим говорил: «Я же прикрыл тебя чуть ранее». Что ж, нужно игнорировать это давление.

— Говори.

— Не знаю, действительно ли Ягами-кун распространял слухи о специальном экзамене, не о нем пойдет речь. Но мне кажется, то, что он появился здесь, – отнюдь не совпадение. Ягами-кун преследовал меня. Теперь я практически уверена, что он находился неподалеку от кабинета ученического совета и пристально за ним следил.

— Видишь? Не мои слова, даже Сузуне так говорит.

Ягами-кун оказался зажат с двух сторон, через мгновение оцепенения он раздраженно выдохнул, а его лицо расслабилось.

— ...Ясно, вот оно что. Так вы с самого начала действовали сообща. И специально затащили меня сюда, используя скрытое послание под видом любовного письма, не так ли?

— Скрытое послание... в любовном письме?

— Ты об этом письме говоришь? — спросил президент Нагумо, а затем достал из кармана любовное письмо, которое передала мне Ичихаши-сан.

Нет, что значит скрытое послание в письме?

— Я понятия не имею, о чем ты. Тут имени отправителя даже нет. Просто письмо с чувствами, адресованное мне.

— Ошибаешься. На первый взгляд и правда выглядит как простенькое любовное письмо, но какой в нем посыл? – «культурный фестиваль, 15:00, кабинет ученического совета». Плюс, везде разбросаны ключевые слова, вроде «важно», «исключение», «секрет». Что, скажешь, нет?

Президент Нагумо открыл письмо, вскрытое ранее, и зачитал его.

— Где? Не понимаю, — сказал президент Нагумо.

Затем он протянул мне это любовное... в смысле якобы послание.

— С твоего позволения.

Я взяла его, прочитала. Но нигде не смогла найти тех слов, о которых упомянул Ягами-кун. Ибуки-сан от любопытства тоже взглянула на лист бумаги, но и она ничего подобного не увидела.

В послании лишь сказано о том, что некто хочет признаться в чувствах, которые возникли уже давно, правда, имени и тут написано не было. Только и всего.

— Да бросьте придуриваться. Нужные слова получатся, если разгадать анаграмму.

— Анаграмму?.. А что это?

Если проигнорировать вопрос Ибуки-сан, которая даже такого слова не знает, является ли письмо в самом деле анаграммой? Если так, то при перестановке символов можно получить совершенно иную фразу. Это уже будет неким подобием шифра.

Но как бы я не пыталась прочитать письмо, нужное послание никак не получалось. Возможно, шифр удастся разгадать со временем, но на месте – невозможно.

— А ты, выходит, тот еще умник, Ягами. А вот ни я, ни Сузуне не можем с ходу разгадать эту твою анаграмму.

Наши подозрения насчет Ягами-куна только укрепляются, вместе с тем и он начинает относиться к нам более настороженно.

— Значит, это не вы его написали? Кто-то из общих знакомых?

— Общих знакомых? Ты о ком?

— ...Ни малейшего понятия. Просто поверь, я лишь следовал посланию в анаграмме и пришел сюда.

Даже если так... Нет, с какой стороны не подойди, все равно странно.

— Есть в этом любовном письме анаграмма или нет – мне все равно. Вопрос в другом, откуда ты знаешь, что в нем написано? Неужели прежде, чем вручить мне, ты прочитал его?

Вот именно. По-другому он бы не узнал.

— Так совпало. Печать сорвалась, когда я обронил письмо, и лист бумаги выпал оттуда. Я понимал, что подсматривать неправильно, но несколько строк все же увидел.

— Говорю от лица ученического совета, ты поступил весьма неэтично.

Соблазн подглядеть понять можно, с другой стороны, обычно нужно его сдерживать.

В особенности если речь идет о письме, которое никак к тебе лично не относится. Чтобы прочитать послание, нужно взять на себя огромный риск. Конечно, когда отправитель неизвестен, просыпается любопытство, но не более того. Решиться прочитать письмо – это уже совсем другое дело.

— Такие письма часто оказываются розыгрышем, поэтому убедиться заранее вполне нормальная практика, разве нет? У меня возникло предчувствие, что это может быть ловушка.

— Я бы сказал, что ты напридумывал всякого, да все равно отнекиваться будешь.

В их разговоре я ощутила странное несоответствие. Такое чувство, будто мир глазами Ягами-куна сильно отличался от того, каким его видел президент Нагумо. И каким видела его я.

Словно шестеренки,двигающиеся не впопад. Вроде говорят об одном, но у каждого свое представление о сказанном. Дискомфорт такой же, как при застрявшей косточке в зубах.

Ягами-кун поступил неправильно, когда без разрешения прочитал письмо.

Но насчет плохих слухов о президенте Нагумо и журнале протоколов ничего не ясно. Также как непонятно, преднамеренно он появился у кабинета ученического совета или нет.

Ни в чем конкретном обвинить Ягами-куна сейчас нельзя...

Он поочередно переводил взгляд то на меня, то на президента Нагумо. И вдруг усмехнулся.

— Пора бы уже сопоставить ответы, нет? Но что-то мне кажется, вы и так все поняли? — Умолкнув на миг, словно мысленно расставив точки над «и», Ягами-кун продолжил: — Хорикита-семпай, ты посмотрела журнал протоколов, вспомнила про записку с необитаемого острова и посчитала меня тем злоумышленником. А твое письмо, предназначенное для президента Нагумо, содержало в себе послание, адресованное уже мне.

Теперь он зачем-то упомянул про журнал протоколов и записку, хотя о ней речи не шло.

— И зачем столько хлопот? Можно же было просто позвонить или написать сообщение?

— Потому что тот, кто это затеял, не хотел оставлять доказательств сомнений во мне? С тайным посланием в любовном письме можно найти любое оправдание. И наконец, некто

хотел, чтобы я оказался здесь в одно время с Хорикитой-семпай, которая пришла посмотреть журнал протоколов. И все это затем, чтобы подтвердить, что именно я тот человек, которого она ищет.

— Необитаемый остров? Журнал протоколов? Человек, которого ищет Сузуне? У тебя крыша поехала?

— Ты и дальше собираешься продолжать этот спектакль, президент Нагумо? Я уже понял, что вы с Хорикитой-семпай идете прямо по сценарию одного человека. Все согласно указке того, кто встроил анаграмму в письмо – то есть Аянокоджи-семпая, не так ли? Вот же хитрец. Мне даже необязательно было показывать журнал Хориките-семпай, он и так все понял.

— ...Причем здесь Аянокоджи-кун?

— Он всегда подходит к делу такой окольной дорогой. Я все понимаю, ему не нравится быть на виду, но не думал, что он и со мной также поступит.

Ягами-кун жизнерадостно рассмеялся. Его поведение изменилось кардинально.

— Ну и, что дальше-то? Аянокоджи-семпай наконец-то сам явится на сцену? — Ягами-кун взглянул на вход в кабинет, точно ребенок перед новой игрушкой в подарочной обертке. — Не могу дождаться. Только до его появления можно узнать, что вы обо мне наговорили? Особенно хочу послушать тебя, Хорикита-семпай.

— Постой, я правда не понимаю, о чем ты говоришь. Да, я подозревала, что это ты подсунул записку мне в палатку, но поделилась сомнениями только с Ибуки-сан.

Я сказала полную правду, но не похоже, что Ягами-кун поверил.

— Так, нормально объясни, чтобы я тоже понял.

— Ха-а. Уже даже я устал от этой игры, президент Нагумо. Получив письмо, ты собирался прийти сюда на встречу с Хорикитой-семпай и Аянокоджи-семпаем. Цель – вывести меня на разговор. Он, наверное, посчитал, что опасно встречаться со мной лицом к лицу. Ага, мудрое решение.

— Не хотелось бы расстраивать, особенно после того, сколько чуши ты напридумывал, но я расскажу, зачем пришел в кабинет ученического совета.

Президент Нагумо достал свой телефон и показал экран нам. Там отображался номер телефона звонившего.

— Пришел, кажется. Входи. — Последнее слово он адресовал уже человеку на том конце.

— Ах-ха-ха! Ожидаемо, пришел Аянокоджи-семпай! Как же я рад!

Ягами-кун громко засмеялся, расставив широко руки на медленно открывающуюся дверь, словно приветствуя входящего.

— Не помешал, надеюсь.

С этими словами в кабинет вошел человек, которого я совсем не ожидала здесь увидеть. Первым, кто отреагировал, была не я и даже не президент Нагумо или Ягами, а никто иная, как Ибуки-сан.

— А? Рьюен? Ты чего здесь забыл?

Внутри вошел не только Рьюен-кун. За ним следовали два одноклассника.

— О, неплохо выглядишь, Ибуки. Скажи, Киношита?

— И правда. Мило смотрится на малявке.

— А? Погоди, Комия? И даже Киношита?!

И гвоздь программы – в кабинет следом зашли Сакагами-сенсей и Машима-сенсей.

— ...Что? Что здесь... — непонимающе пробормотал Ягами-кун. Он сильнее всех оказался сбит с толку.

— Так вот, я пришел в кабинет ученического совета, чтобы переговорить с Рьюеном и ребятами. Верно я говорю?

— Ага, верно. Только, как смотрю, у тебя тут своя движуха?

Ягами-кун смотрел на пришедших с мрачным выражением лица, совершенно не способный проследить за происходящим.

Президент Нагумо прошел к нему и с силой приложил письмо к его груди.

— Я знать не знаю ни про твою анаграмму, зашитую в любовное письмо, ни про журнал протоколов, ни про твои бредни. Дошло, Ягами?

— ...Этого не может быть. Но что тогда...

К явно недоуменному Ягами-куну подошел Рьюен-кун и указал на того пальцем.

— Парни, вы об этом типе говорили? — обратился он к Комии-куну и Киношите-сан для какого-то подтверждения.

Оба, явно нервничая, разом кивнули.

— Да, ошибки быть не может.

— Ага. Это точно он.

Как только Рьюен-кун это услышал, он со своей неизменной ухмылкой приблизился к Ягами-куну на расстояние вытянутой руки.

— Нас с тобой, придурок, ждет очень длинный разговор.

— Что?

Рьюен-кун рассмеялся, а затем вдруг правой рукой схватил Ягами-куна за волосы.

— Рьюен!

Машима-сенсей упрекнул его за насильственное действие, однако не похоже, что Рьюен-кун обратил на это внимание.

— Эй. Как там тебя, напомни?

— ...Ягами. Ягами Такуя, Рьюен-семпай.

Когда его приподняли за волосы, лицо Ягами-куна исказилось от боли.

— Понятно, Ягами, а? Так это ты, значит, «позаботился» о Комии и Киношите?

— Э?.. Я не понимаю, о чем ты.

— Голову мне не морочь. Комия и Киношита вспомнили наконец тот день. Причина их серьезных увечий на необитаемом острове – это ты. Ты их спихнул.

Серьезные увечья, полученные на необитаемом острове. Мне известно про сломанные кости, но я думала, что это был несчастный случай по неосторожности...

— Что, я? Да о чем ты, черт возьми?

— Вон те ребята потеряли память из-за шока, потому все списали на несчастный случай. Но они вспомнили, что злоумышленник – ты.

В разговор вступил президент Нагумо, соглашаясь с этим заявлением:

— Я как раз вчера об этом узнал. А сегодня у нас должен был состояться разговор между мной, Рьюеном, Комией и Киношитой... Но не с учителями. Почему они здесь?

— Я их позвал, чтобы меньше мороки было. К тому же именно Сакагами сорвался к ребятам, когда узнал про происшествие.

— Кстати, раз уж зашла речь про Ягами-куна... Машима-сенсей? — обратился за подтверждением Сакагами-сенсей к другому учителю, словно кое-что вспомнив.

— Да, очень не хочется сомневаться в ком-то из наших учеников, но... отрицать эту возможность не могу.

— О чем вы говорите? Я ничего не сделал!

Его замешательство объяснимо. Даже я не успеваю за ходом событий.

— Ягами. В тот день, когда двое часов забили тревогу, насколько я помню, GPS на твоих не работал. Во время специального экзамена часы много у кого ломались, но из них лишь у двоих учеников, включая тебя, была возможность пересечься с Комией и Киношитой, когда произошел инцидент. Разумеется, ни Шиохара, ни двое ребят не смогли тогда сказать, кто это сделал. Поэтому у нас не оставалось выбора, кроме как посчитать событие несчастным случаем, однако...

— Они потеряли память, а потом вдруг оба вспомнили и указали на меня? Бред! Совершенно очевидно, что они все подстроили и сговорились против меня!

— Подстроили? У учеников нет и не было возможности узнать, чьи часы были сломаны на тот момент времени.

Более четырехсот человек проходили экзамен на необитаемом острове. И лишь у двоих во время инцидента не работал GPS передатчик. Слишком опрометчиво называть это простым совпадением.

— Они вспомнили, что видели злоумышленника. У тебя есть основания сомневаться в этом, Ягами? Назови их.

Рьюен-кун еще сильнее дернул Ягами-куна за волосы.

— Кх!.. Э-это...

— «Никто не мог меня увидеть, ведь я скрыл все следы». Так ты думаешь сейчас, да?

— П-прошу тебя, подожди! Я ничего не делал. Ты правда считаешь, что я мог прибегнуть к насилию?

Ягами-кун не блещет крупным телосложением. На первый взгляд и правда появляются сомнения.

И все же Рьюен-кун ни капли не поверил словам Ягами-куна.

— По опыту знаю, какими опасными могут быть самые безобидные на вид парни. А ты, Ибуки, что думаешь?

— Он силен, бесспорно. Настолько, что запросто нанесет увечья Коми и Киношита, будучи незамеченным.

— При обычных обстоятельствах ради мести я бы нанес тебе соразмерные увечья, но, к сожалению, мы тут выясняем отношения перед учителями. Черт с тобой. Уверен, тебя все равно ждет исключение из школы.

Если подтвердится, что виновником в инциденте с Комией-куном и Киношита-сан был Ягами-кун, одним отстранением от занятий он не ограничится. Исключение – единственный вариант, и поблажек ему никто не даст.

Когда Рьюен-кун отпустил волосы Ягами-куна, тот отстранился и опустил взгляд.

— А ты, Сузуне? Чего пришла?

— Я... Я тоже здесь, чтобы прояснить один момент насчет Ягами-куна.

— А? Это еще какой?

Теперь у меня нет выбора, кроме как рассказать.

Я поведала, что со специального экзамена на необитаемом острове ищу ученика с красивым почерком. У Ягами-куна похожий почерк, поэтому пришла сюда, чтобы проверить журнал протоколов.

Затем я достала журнал и посмотрела записи, которые вел он.

— Написание практически один в один совпадает с тем почерком, который отложился у меня в памяти.

— Объяснишь, о чем она говорит, Ягами? — спросил президент Нагумо, который понятия не имел об этой истории.

Тут происходит что-то очень странное и необъяснимое. Все, кто здесь присутствует, имеют какие-то претензии к Ягами-куну, и все же у каждого они разные.

Ни один из нас не является важной отправной точкой.

Это... вообще возможно?

Если все началось с одного любовного письма...

Учесть, что я отдам его Ягами-куну; учесть, что он прочитает его.

Учесть, что он разгадает анаграмму и клюнет на наживку...

Но вряд ли можно было хоть как-то рассчитать, что у меня появятся сомнения в Ягами-куне после просмотра журнала протоколов.

Нет... Я, скорее всего, никак не связана с этим делом.

Просто посторонняя. Ибуки-сан тоже не имеет к этому никакого отношения. Даже без нас цепочка событий все равно состоялась бы. Ягами-кун приходит в кабинет ученического совета из-за послания, президент Нагумо допрашивает его.

Но как это возможно?

И если все так и есть, кто может дергать за ниточки?

Когда и где?

Нет, спрашивать у самой себя нет особого смысла.

Не исключено... что за всем этим стоит Аянокоджи-кун.

Появление здесь Рьюен-куна и Комии-куна противостоит естеству. Также, как и учителя. Они здесь затем, чтобы со всех сторон прижать Ягами-куна, пытающегося отпереться.

— Ку-ку, надо же, даже меня эта история поразила. Кто-то доигрался с огнем, — усмехнулся Рьюен-кун. Возможно, он пришел к тому же выводу, что и я.

— Почему... Как? Полная нелепица...

— Я не знаю всех деталей, но совершенно очевидно, что ты вляпался по полной, говнюк.

— Я ж-же... еще не вступил с ним в схватку... Она даже не началась! И ты говоришь, будто это конец? Бред!.. — сорвался на крик Ягами-кун, чего никогда с ним не происходило. Он задрожал всем телом. — А он как бы говорит, что об меня даже свои руки можно не марать? Ха-ха-ха... ха... ХА-ХА!.. Ты надо мной издеваешься?! Потешаться вздумал?!

— Шумный больно. Если хочешь поорать, не рядом со мной это делай, — раздраженно пробормотал Рьюен-кун, засунув мизинец в правое ухо.

Ягами-кун, будто не слыша вокруг себя уже ничего, не успокаивался.

— Ладно. Прямо сейчас. Вот прямо сейчас пойду к нему. Пойду к нему и урою своими руками. Тогда я должен буду вернуться в место, к которому принадлежу. И его обратно затащу!!!

В кабинете находились два учителя, и все же он вел себя так, словно их здесь не было.

Его внезапные изменения в поведении теперь видны невооруженным глазом, он явно был настроен агрессивно.

Когда он попытался шагнуть в сторону Рьюена-куна, Ибуки-сан среагировала первой и замахнулась на него ногой сзади.

Ягами-кун, даже не оборачиваясь, резко ударил локтем в живот Ибуки-сан.

— Угх!..

Всего один удар. Но его хватило, чтобы Ибуки-сан упала на пол, не в силах встать.

— Хватит, Ягами!

Учителя ринулись к Ягами-куну, но Рьюен-кун остановил их:

— Не вмешивайтесь. Он очень хочет подраться. А раз так, подыграю ему!

Рьюен-кун сжал руки в кулаки, совершенно не обращая внимание на место, в котором мы находились.

— Такие как вы меня не сможете остановить. Знаете, что? Я же сдерживаться не буду. Мне плевать, кто передо мной встанет: девочка или учитель. Не хотите закончить как Комия, рты закрыли и с дороги.

— Ку-ку, вот ты каков на самом деле? Становится все интереснее и интереснее. — Рьюен-кун без колебаний шагнул вперед и легкомысленно расставил руки, словно провоцируя. — Я с радостью встану у тебя на пути, так что давай!

— Не задирай нос, выскочка...

Аура Ягами-куна, исходящая от небольшого телосложения, теперь была похожа на таковую у Аянокоджи-куна и Амасавы-сан, что отличало их от «нормальных учеников». Рьюен-кун настроен на драку, но не факт, что сможет остановить его.

Но сделать это нужно.

Он обрел решимость уничтожить всех и каждого, кто встанет на пути, несмотря на присутствие учителей.

Если пропустить его сейчас, кто знает, утихомириться ли он.

И после он пойдет... к Аянокоджи-куну. Если в разгар культурного фестиваля повторится та же сцена, одним замечанием будет не отделаться.

— Хватит, Ягами! И ты тоже, Рьюен! Если начнете здесь драку, наказание будет очень серьезным.

— Мое исключение из школы predetermined на сто процентов. Так с чего мне останавливаться, а, Машима?

Ягами-кун перестал поддерживать свой образ и даже суффикс «-сенсей» отбросил.

Тем не менее Машима-сенсей, выполняя роль учителя до конца, встал между Рьюеном-куном и Ягами-куном.

— Потеряйся уже.

Несмотря на подавляющую разницу в телосложениях, Ягами-кун пнул Машиму-сенсея по ноге, затем, когда тот упал на колено, кулаком ударил по лицу.

Сакагами-сенсей, испугавшись развернувшейся перед ним сцены, отпрянул. А вот Рьюен-куна это, напротив, раззадорило, и он уже собирался вступить в полноценный бой, когда...

— Давай на этом остановимся, Такуя.

...дверь в кабинет ученического совета открылась, и на пороге показалась Амасавасан с красными заплаканными глазами.

— А? Ты что здесь забыла... И с каких пор?..

Казалось, Ягами-кун не воспринимал ничьи слова, однако сейчас он остановился.

— Чего ты добьешься, если продолжишь дебоширить? Думаешь, это поможет тебе получить признание? Думаешь, тебя примут с распростертыми объятиями? Все уже... кончено.

— Неправда! Наши учителя ждут меня! Я стану... Я стану лучшим!

Учителя. Кого он имеет в виду?

Я могу по крайней мере сделать вывод, что это учителя не из нашей школы.

— Я думал сегодня раскрыть «его» прошлое и на этой веселой ноте прервать культурный фестиваль. И все пошло наперекосяк...

— Такуя, ты и правда собирался это сделать...

— Уйди. Я заставлю Аянокоджи пожалеть об этом. Такое веселье ему устрою, что он даже улыбнуться будет не в состоянии!..

— Если тебя уже не переубедить, и ты собираешься идти к Аянокоджи-семпаю, я остановлю тебя здесь.

— Ты? Ты ни разу не побеждала меня. Не смеши, а.

— Чистой силой, может, и нет. Но... я все равно постараюсь сделать все, на что способна.

— А я ведь знал, что ты предана Аянокоджи-семпаю. Только не думал, что ты в самом деле такая тупая.

— Я просто все осознала. Лягушка на дне колодца море не видала. Со мной точно также.

— Тогда просто сдохни. Живая ты бесполезна.

Когда Амасави-сан собралась с духом, из коридора вдруг донеслись шаги нескольких людей.

В кабинет ученического совета зашли пятеро взрослых с непроницаемыми лицами. Я узнала не всех, а только двоих – те посетители, которые заходили к нам в мэйд-кафе.

Ягами-кун, еще недавно неуправляемый, внезапно задрожал.

— П-почему вы здесь?... К-как же...

— Нам позвонили и сказали прийти в кабинет ученического совета. Правда, мы немного не на это рассчитывали.

Еще недавно Ягами-кун грозился всех убить, но теперь дрожал как ребенок. Будто боялся, что родители узнают и накажут.

Ягами-кун уже не сопротивлялся, взрослые окружили его и повели к выходу. Амасави-сан пошла вслед за ними.

— Вы куда... — спросил Машима-сенсей, вставший на ноги. Судя по выражению лица, ему было больно.

— Мы ответственные за Ягами и Амасаву. Поэтому нам и заниматься этим вопросом, а вы, пожалуйста, позаботьтесь о себе. Также попрошу не обсуждать инцидент ни с учениками, ни даже с учителями. Можете не беспокоиться, мы поговорим непосредственно с директором Сакаянаги.

— ...Я все понял.

Машима-сенсей, не без помощи Сакагами-сенсея, покинул кабинета ученического совета.

Там, где еще недавно царила суматоха, теперь была тишина.

— Ну вот, так неинтересно. А как все хорошо начиналось. Вставай, Ибуки. Мы уходим.

— Больно-то как... Дайте руку хотя бы!

Рьюен-кун жестом указал Комии-куну помочь Ибуки-сан, затем все вместе ушли.

В кабинете остались только я и президент Нагумо.

— Ну, как-то так. Много чего успело произойти, но, похоже, разобрались со всем.

— Как много ты знал? И здесь замешан Аянокоджи-кун?

— Причем тут он? Я же сказал, что пришел сюда, чтобы переговорить с Рьюеном.

— Зачем тогда брать с собой письмо?

Смятое любовное письмо валялось на полу.

— Выражаясь словами Ягами, это просто совпадение. Так совпало, что оказалось в кармане.

Откровенная ложь. Так он сообщал, что больше здесь разговаривать не о чем.

— Бурный фестиваль тоже подходит к концу. Давай, тоже к своим возвращайся.

— ...Хорошо.

Уже почти четыре часа дня. Культурный фестиваль, на котором произошло столько неожиданных стечений обстоятельств, близится к своему завершению.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96877/2395704>